

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

ГЛАВА I

Тайна вдовы Вандердеккен

В половине XVII столетия на окраине небольшого укрепленного городка Тернёзена на южном берегу Западной Шельды почти напротив острова Валхерен стоял небольшой скромный, весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни — в ярко-зеленый. Примерно до высоты трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафельными плитками, расположенными в шахматном порядке. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный до краев наполненной водой канавой, настолько широкой, что через нее не всякий мог перескочить. Через эту канаву как раз напротив входной двери был перекинут узенький железный мостик с перилами — для большей безопасности посетителей. В последнее время яркие краски фасада потускнели, оконные рамы, дверные косяки и другие деревянные части строения заметно обветшали, кафельные плитки во многих местах вывалились. Очевидно, когда-то этот домик содержали с величайшей заботливостью, теперь же во всем чувствовались заброшенность и запустение.

Внутреннее помещение дома как в нижнем, так и в верхнем этаже состояло из двух комнат окнами на улицу и двух — окнами во двор. Задние комнаты были совсем небольшие, передние — чуть просторнее, но и они имели только по од-

ному окну. Наверху размещались спальни, в нижнем этаже обе маленькие комнатки выполняли хозяйственные функции: одна служила прачечной, другая — кладовой. Одна из передних комнат нижнего этажа представляла собой опрятную красивую кухню с большими полками, заполненными начищенной до блеска медной посудой. В белый пол кухни, чистый и гладкий, можно было глядеться, как в зеркало. В кухне располагались массивный деревянный стол, два деревянных стула и маленькая мягкая кушетка. Другая передняя комната нижнего этажа когда-то являлась гостиной; как она обставлена, никто не знал: вот уже почти семнадцать лет это помещение стояло запертым, обитатели дома не пользовались им и гостей туда не приглашали.

В начале нашего повествования в кухне находилась женщина лет сорока, худая и измученная. В тонких изящных чертах ее лица и больших темных глазах еще сохранялись следы прежней красоты, но, увы, давно увядшей. Кожа женщины выглядела дряблой, прозрачное бескровное лицо вытянулось, лоб ее, когда она задумывалась, покрывался глубокими морщинами, а глаза иногда вспыхивали таким странным огнем, какой бывает у людей с сильным нервным расстройством. Вероятно, на внешность женщины наложило отпечаток какое-то глубокое давнее горе, с которым она не могла справиться, какая-то хроническая удрученность, от которой бедную страдалицу избавила бы разве что смерть. По обычаю того времени хозяйка носила на голове вдовий чепец, одежда ее была опрятной и аккуратной, но далеко не новой и сильно поношенной. Ввиду своего болезненного состояния женщина сидела на низкой кушетке, которую, очевидно, специально принесли сверху, из спален.

На краю большого стола посередине кухни примостился юноша лет девятнадцати-двадцати, упитанный, цветущий, с очень приятной внешностью. Он был хорошо сложен, наделен недюжинной физической силой, полон отваги и энергичен. Выразительные глаза его смотрели смело и уверенно. Сидя на столе, он по-ребячески болтал ногами, беззаботно насвистывая какой-то избитый мотив, и при виде его сразу

становилось ясным, что это бесстрашный, смелый и отчаянный молодой человек, которого трудно чем-либо испугать или заставить отказаться от однажды принятого решения.

— Не уходи в море, Филипп, прошу тебя! Обещай, что ты будешь со мной. Пожалуйста, сынок! — восклицала женщина, протягивая к юноше молитвенно сложенные руки.

— Почему же мне не отправиться в море, матушка? — возразил Филипп. — Какая польза от того, что я останусь дома умирать с голоду? Клянусь честью, это немногим лучше. Пора мне уже приносить какую-то пользу и себе, и тебе. Лучший вариант — морская служба. Дядя Вандердеккен предлагает взять меня с собой на корабль, обещает приличное жалованье. На судне я устроюсь хорошо, деньги начну откладывать, и моего заработка вполне хватит тебе на безбедную жизнь здесь, дома!

— Выслушай меня, Филипп. Я умру, если ты меня покинешь. Ты у меня один на белом свете. Коли ты меня любишь, — а я знаю, что ты меня любишь, — не бросай свою мать, умоляю тебя. Хочешь трудиться, идти в люди — бога ради, но только не в море!

Филипп задумался, продолжая тихонько насвистывать, а мать его горько заплакала.

— Матушка, ты так беспокоишься за меня потому, что мой отец погиб в море? — спросил он.

— Нет, что ты! — замахала рукой женщина. — Видит Бог, дело совсем в другом...

— В чем? Договаривай.

— Нет, погоди, ничего такого... Господи, сжался надо мной! Сжался!

Несчастливая мать, соскользнув с кушетки на пол и встав на колени, начала горячо и усердно шептать молитву, ища у Бога поддержки и защиты. Когда она поднялась и села на место, лицо ее выглядело более спокойным, чем минутой раньше, даже просветлевшим, и в глазах уже не читалось прежнего отчаяния. Филипп, за все это время не проронивший ни слова из уважения к молитвенному порыву матери, возобновил разговор:

— Послушай, матушка! Ты просишь, чтобы я не служил в море и голодал здесь вместе с тобой. Невеселая жизнь, честно признаться, но давай подойдем к делу вот с какой стороны. Соседняя комната, наша гостиная, заперта, с тех пор как я себя помню на белом свете, а по какой причине — я не знаю, ты скрываешь ее от меня. Но однажды, когда у нас с тобой не было даже куска хлеба, а дядя не мог нам помочь, потому что надолго ушел в плавание, ты пришла в отчаяние и сказала...

— Что я тогда сказала, Филипп? — с тревогой спросила бедная женщина.

— Ты проговорила, что в той комнате достаточно денег, чтобы спасти нас, но затем принялась рыдать и кричать, что лучше умереть. Я все-таки желаю знать, что хранится в гостиной и почему она заперта столько лет. Либо ты без утайки выкладываешь мне всю правду, какая бы она ни была, либо я уйду в море — одно из двух!

При этих словах Филиппа женщина застыла, как каменная статуя, затем губы ее пошевелились, зрачки расширились, и казалось, что она утратила способность говорить. Она прижала руки к груди, как будто хотела сдавить ее или вырвать с корнем мучительную боль, и вдруг стала заваливаться с кушетки лицом вперед, а изо рта ее струей хлынула кровь. Филипп мигом соскочил со стола и кинулся к матери, подоспев как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть и удариться о пол. Он поднял сухое изможденное тело и бережно уложил на кушетку. Кровь не унималась.

— Матушка, что с тобой?! — в страхе закричал он.

Но женщина ничего не отвечала, а только повернулась на бок, чтобы не захлебнуться, и вскоре на чистом полу образовалась лужа алой крови.

— Матушка, что надо делать? Как помочь тебе? Что тебе дать? Боже милосердный! Что это такое?

— Это смерть, сынок... — наконец прошептала помертвевшими губами бедная женщина и потеряла сознание от кровопотери.

Филипп выбежал из дому и позвал на помощь соседей, а когда те пришли и обступили больную, он что есть духу помчался к врачу, жившему в одной миле от их дома. Фамилия врача была Путс — маленький жалкий старикашка, жадный и бездушный, но хорошо знавший свое медицинское ремесло. К счастью, старик оказался дома, и Филипп стал настоятельно требовать, чтобы лекарь немедленно отправился к больной.

— Я приду вне всякого сомнения, — ответил Путс, изъяснявшийся на местном наречии с заметным акцентом. — Но, мингер* Вандердеккен, кто мне заплатит за труды?

— Кто? Мой дядя, как только вернется домой.

— Ваш дядя, шкипер Вандердеккен?! Нет, так не годится: он уже задолжал мне четыре гильдера** и не отдает их весьма давно. Кроме того он вообще может не вернуться, а потонуть вместе с судном.

— Он заплатит вам и те четыре гильдера, и за новый ваш визит! — в бешенстве закричал Филипп. — Только пойдёмте скорее со мной, иначе, пока мы препираемся, моя мать умрет!

— Простите, молодой человек, но сначала я должен посетить бургомистра в Тернёзене, — проговорил Путс. — У него заболел ребенок.

— Знаете что, — воскликнул Филипп весь красный от гнева, — или вы сейчас же добровольно последуете за мной, или я вас силой потащу к нам в дом, выбирайте любое! Издеваться над собой я не позволю!

Мингер Путс смутился, так как решительный нрав Филиппа знали все соседи.

— Я приду немного погодя, мингер Филипп, если только успею.

— Нет, вы отправитесь сию же минуту, жалкий корыстолюбец! — закричал Филипп, схватив лекаря за воротник и вытаскивая из двери дома.

* Вежливое обращение к мужчине в Голландии. — *Здесь и далее примеч. ред.*

** То есть четыре голландских червонца.

— Злодей! Убийца! — завопил Путс, теряя под ногами почву, увлекаемый неукротимым молодым колоссом, не внимавшим ни просьбам, ни мольбам.

Филипп чуть-чуть ослабил хватку, заметив, что старик весь посинел, и сказал грозно:

— Задавить мне, что ли, вас, чтобы вы пошли? А идти вас я все-таки заставлю, живого или мертвого!

— Хорошо, — прошипел Путс. — Я пойду с вами, но сегодня же вас посадят в тюрьму! Что касается вашей матушки, то я ни за что на свете не сделаю для нее ничего, решительно ничего!

— Негодяй! — чуть не ударил врача Филипп. — Имейте в виду, мингер Путс, перед Богом клянусь, Он нас видит и слышит: я задушу вас, если вы не пойдете со мной и, придя к нам в дом, не окажете моей матери врачебную помощь — всю, какая только в ваших силах. Задушу прямо там, у ее постели! Вам, наверное, известно, что я всегда выполняю все свои обещания, а потому вот мой совет: следуйте за мной и исполните свой долг, и вы получите все до последней монеты, даже если мне придется снять с себя камзол и сорочку и продать их.

Похоже, это уверение Филиппа подействовало на старика сильнее всех угроз, да и выбора у врача не было. Маленький и тщедушный, он выглядел беззащитным ребенком в руках сильного здорового юноши, напоминавшего сказочного великана. Дом Путса стоял за городом посреди пустыря и в стороне от других жилищ, так что лекарь не мог позвать соседей на помощь — они его попросту не слышали бы дальше, чем в ста шагах от дома Вандердеккенов. Скрепя сердце, мингер Путс поспешил за Филиппом, надеясь, что получит обещанную плату.

Придя в дом, врач и сын обнаружили женщину на попечении двух ее соседок, которые смачивали ей виски уксусом, чтобы привести в чувство. К больной уже вернулось сознание, но говорить она пока не могла. Путс приказал немедленно перенести ее наверх и уложить в постель и, дав ей какой-то порошок, отправился с Филиппом за нужными лекарствами.

— Как вернетесь, сейчас же дайте вашей матушке принять вот это... — Он вручил Филиппу склянку со снадобьем, — а я пойду к ребенку бургомистра, после чего снова наведаюсь к вам.

— Не обманите меня! — предупредил Филипп, сопровождая свои слова строгим взглядом.

— Нет, мингер Филипп, я не поверил бы вашему дяде, но вам я верю; вы обещали мне заплатить, и я знаю, что вы сдержите свое слово. Через час я буду у вашей матушки, а вы идите к ней поскорее!

Филипп побежал к своему дому и дал матери лекарство. После того как она выпила его, кровотечение совершенно прекратилось, больной удалось даже слабым, едва слышным шепотом сказать сыну несколько слов. Когда доктор вернулся, он тщательно осмотрел пациентку, после чего сошел вместе с ее сыном вниз в кухню.

— Мингер Филипп, — заговорил он, — видит Бог, я сделал для вашей матушки все, что в моих силах, но должен предупредить вас: едва ли она когда-нибудь встанет на ноги. Она проживет день-два, не больше, но я в этом не виноват, — добавил он упавшим голосом, как будто оправдывался.

— Видно, такова воля Божья! — мрачно ответил юноша.

— Вы в любом случае заплатите мне, не правда ли, мингер Вандердеккен? — произнес доктор через минуту.

— Да-да, конечно! — крикнул Филипп, словно стряхнув с себя раздумье.

Помолчав немного, Путс спросил:

— Наведаться мне к вам завтра, мингер Вандердеккен? Имейте в виду, это обойдется вам еще в один гильдер, хотя, повторяю, бесполезно тратить деньги и время — больная не поправится.

— Придите завтра, приходите хоть каждый час, насчитывайте, сколько пожелаете, — я все заплачу, будьте спокойны, — горько усмехнулся Филипп.

— Как вам угодно; я понимаю, что едва она умрет, дом и все движимое имущество перейдут к вам, и вы, конечно,

продадите их. Да-да, я приду! У вас скоро окажется достаточно денег, чтобы заплатить мне и за несколько визитов. Позвольте еще одну просьбу, мингер Филипп: если вы надумаете сдавать дом в аренду, предложите его, пожалуйста, мне.

— Вот как... — занес руку Филипп, точно собираясь схватить и раздавить маленького бессердечного лекаря.

Мингер Путс предусмотрительно отскочил в угол и заискивающим тоном залебезил:

— Что вы, что вы... Я имел в виду, что все это произойдет только после похорон вашей матушки.

— Уходите, жалкий человек, уходите отсюда! — в сердцах воскликнул Филипп, закрывая лицо руками и опускаясь на залитую кровью кушетку.

Вскоре Филипп Вандердеккен поднялся наверх к постели больной, которая почувствовала себя значительно легче. Соседки, у которых хватало своих забот, оставили мать на попечение сына и возвратились домой. Истощенная сильной кровопотерей женщина несколько часов дремала, не выпуская руку сына, который в мрачном раздумье прислушивался к ее прерывистому дыханию. Около часа ночи больная проснулась, к ней вернулся голос, и она обратилась к сыну:

— Дорогой мой, неукротимый мальчик, теперь я сама сожалею, что так долго удерживала тебя здесь, как в тюрьме.

— Не ты, матушка, а мое собственное желание удерживало меня подле тебя. Я и теперь не уйду, пока ты снова не встанешь на ноги и не выздоровеешь.

— Этого, Филипп, никогда не будет. Я чувствую, что пришла моя смерть. Если бы не ты, дитя мое, я с радостью покинула бы этот мир. Я уже давно, Филипп, молила Бога о смерти.

— А почему, матушка? Кажется, я старался не огорчать тебя.

— Да, ты хороший сын, и пусть Господь благословит тебя. Не раз я замечала, как ты сдерживал свой буйный нрав и справедливый гнев ради меня. Даже голод не вынудил тебя выйти из повиновения твоей матери. Ведь после тех моих слов о за-